

Моск. правда. - 1996 - 16 окт. - с. 10

Опасный возраст трех богатырей

ПЕРСОНА

Три богатыря - так назвал когда-то знаменитых литовских актеров - Донатаса Баниониса, Регимантаса Адомайтиса и Юозаса Будрайтиса Андрей Миронов. Слава трех богатырей не уместилась в границах маленькой прибалтийской республики - их мужественные лица смотрели в объективы кинооператоров большинства киностудий Советского Союза.

Сегодня спрос на литовских актеров в бывшем СССР ощутимо упал. Литва - за граница, ее собственный кинематограф едва жив. Старший из богатырей, Банионис, по-прежнему играет в Паневежском драматическом театре, средний - Адомайтис - актер Академического театра в Вильнюсе, младший - Будрайтис - сделал крутой вираж: с декабря прошлого года он работает советником по культуре посольства Литовской республики в Москве.

Нюхач

Он позвонил мне сам. Представившись советником Литовского посольства Будрайтисом, поблагодарил за заметку о концертах в Паланге оркестра под управлением Саулюса Сондецкиса и предложил сотрудничать. Записав в конце довольно долгой беседы номер телефона, я поинтересовалась, как зовут моего абонента. «Юозас», - донеслось с другого конца провода. И тут я поняла, с кем имею честь...

«Опасный возраст!» Фильм, который смотрела по меньшей мере десятков раз и по-прежнему старуюсь не пропустить: Фрейндлих - Будрайтис, семейная чета Лилии и Наркиса, муж - главный специалист парфюмерной фабрики, обладатель уникального носа, нюхач.

- Вы помните этот фильм? - радуется «нюхач».

Забудь? Как муж, входя в кухню, где жена жарит яичницу, затыкает ноздри ватой? Как, проскакивая мимо алкашей в подъезде, закрывает свой драгоценный нос шарфом? Как Петровка привлекает его в качестве эксперта и он с завязанными глазами обнюхивает улики, по запаху духов укаывая на виновного? Такие детали из моей памяти не вываливаются, в заметке о парфюмерной фабрике я даже ссылалась на экранного героя Будрайтиса. Правда, парфюмеры «Новой зари» в один голос твердили, что фокусы нюхача - полная ерунда.

- Юозас, кто сказал вам, что надо затыкать ноздри, чтобы не было посторонних оглушающих запахов? (Наша беседа происходит уже в посольстве Литвы)

- Я с парфюмерами не консультировался, может, к счастью, а может, и нет - вдруг познал бы что-либо более тонкое, уловил ауру, какие-то таинственные моменты, хотя не очень в это верю, а вот когда прочитал книгу австрийского писателя Патрика Сюзинда «Духи», где очень интересно описан феномен обонятельной способности человека, понял, что промахнулся, не познакомившись с ней раньше, но актерская интуиция, наверное, иногда подсказывает вещи, которые как бы и нереальны, а парфюмеру просто смешны, но что такое для меня искусство? Возможность преобразить жизнь, подчеркнуть то, что будет более всего запоминаться, иметь эмоциональное воздействие, и мне показалось, что, если стану все время лишь однообразно тянуть носом, зритель не запомнит никаких деталей. Вата в носу появилась совершенно случайно, когда мы разыгрывали сцену на кухне. Взяло в голову - и заткнул нос, и эта маленькая деталь начала работать во всем фильме. Знаете, бывает, когда уже после просмотра видишь картину, почти всегда хочется что-то поправить, что-то изменить, но тут, признаюсь, я не нашел, как сделать лучше, мне кажется, что это минимум и точно.

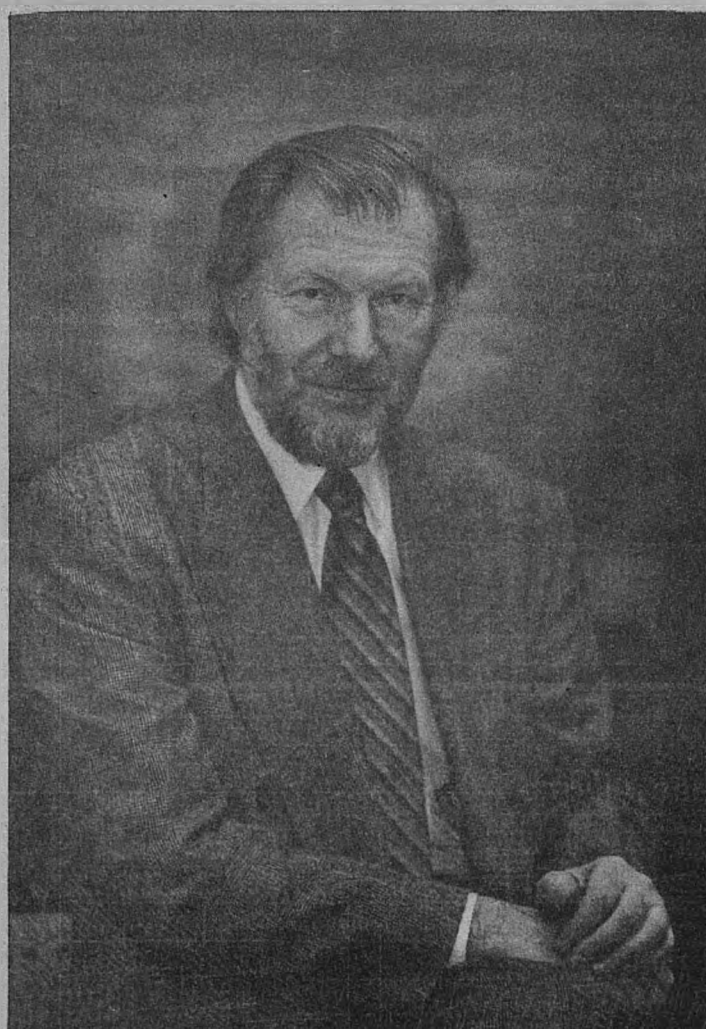
После этой роли Будрайтиса очень полюбили цыгане. Они непременно узнают его на улице и суют под нос какие-то пузырьки и бутылочки. Однажды на Белорусском вокзале целый табир устремился за актером, но тот прибавил ходу и успел вскочить в свой вагон, однако кочевое племя не отставало, в окно тянулись руки с банками-склянками: понюхай, золотой!

Режиссеры бывали разные

Слившийся с Будрайтисом кинематографический образ сдержанного и немногословного человека, в общем-то, устраивал его, потому что оставлял простор творческой фантазии. Например, играя в «Блокаде» адъютанта Гитлера, он пошел значительно дальше очерченного сценарием, что понравилось автору романа Александру Чаковскому и оказалось неплохо для фильма.

Старался ли он поправить режиссера, если была возможность?

- Не старался, но всегда находил маленькую хитрость проталкивать свое, соглашаясь с режиссером. Виде они же разные бываю: когда умный - ему объясняешь, он понимает, соглашается, а когда не слишком умный... его распирает спесь, что он режиссер, и не терпит, когда поправляют, но я все равно находил способ свернуть в сторону. Попадались режиссеры, которые обструктивали палочку во время съемок дублей и не замечали, что и дубли другие, и игра совсем не та. Мастера - другое дело, они не впадают в расхожее, например, Витаутас Жалакявичус,

с которым не очень-то и поспоришь, с ним можно только договориться. Очень бережно обращался с актерами Григорий Наумович Чухрай. Или Григорий Михайлович Козинцев. Я играл французского короля в «Короле Лире». Небольшая роль, но она так запала мне в память, что никогда не сотрется. Наверное, дело тут в режиссере: Григорий Михайлович был такой тонкий человек, что шлейф наших отношений тянулся долго; он каждый год, до самой своей смерти, присылал мне новогодние открытки. Казалось бы, ну зачем ему, такому знаменитому, писать поздравления какому-то актеру, который сыграл мизерную роль? И как он помнил об этом?

В среднем он снимался в двух-трех фильмах ежегодно. Удалось ли при такой напряженной жизни поработать в театре?

Я ведь долго считал себя дилетантом в актерском деле, - ошарашивает Будрайтис. - Первую свою роль в фильме «Никто не хотел умирать» я играл, участвуя на третьем курсе юридического факультета Вильнюсского университета. Получил диплом специалиста уголовного права, но у меня и мысли не возникло вернуться в юриспруденцию. Работа в кино стала образом жизни: встречи, поездки - это все мне очень нравилось, я существовал так, как хотел, может быть, даже в ущерб своей семье. О театре всерьез не помышлял, хотя были попытки прийти на сцену: меня приглашали и в молодежный, и в академический, и даже знаменитый режиссер Мильтинис звал к себе в Паневежис, но это только до порога - от порога я сразу бросался в сторону и бежал как можно скорее подальше. Не знаю даже, что меня так отпугивало: может быть, страх встречи со зрителем в зале, может быть, страх держать текст, а кроме того, я видел, как разрываются актеры, совмещавшие работу в кино и театре, - они жили в бесконечных заботах. Мне казалось, это так скучно, монотонно и так ограничивает человеческую личность, что согласиться на это по доброй воле... Тем более погрузиться в этот микроклимат, находиться постоянно в замкнутом пространстве, коллективе, где свои интриги... в общем, я не хотел даже думать об этом. В кино совсем другое дело: приехал, сегодня снялся, завтра снялся, здравствуйте, ребята, прощайте до следующего раза. Я был абсолютно независим: ни штатной работы, ни рабочего места, даже трудовой книжки не завел! По советским законам меня могли смело зачислить... (Будрайтис напрягается, подыскивая в русском языке подходящее слово) ... в тунец-цы!

И все же театр пришел в мою жизнь: шесть лет я проработал в Каунасском театре и задержался так долго лишь потому, что хитрость имел: жил в Вильнюсе, в ста километрах. Приехал - отыграл - был таков. Вдогонку кто-то крикнет, что тот дурак или этот, я рукой помахаю - и привет. Так мне удавалось стоять в стороне от всяких группировок. Терпеть этого не могу, живу сам по себе - таков мой характер.

Хронический жемайтис

- так называет уроженцев северо-западной Литвы - Жемайтии моя знакомая, пожилая литовка мня Лена, в прошлом медсестра. Ее диагноз основывается на некоторых неискоренимых чертах национального характера жемайтцев, сформировавшегося во вражде с крестоносцами, в тяжелой работе на земле и в холодном море, а также их специфического говора. Маленькая страна Литва, но вот парадокс: все четыре части ее - Жемайтис, Аукштайтис, Сувалкия и Жемайтис - во многом разнятся, что дает литовцам богатую пищу для анекдотов про самих себя.

- Это мы, жемайтийцы, настоя-

щие литовцы, - приосанивается, подмигивая, уроженец жемайтского села Юозас Будрайтис. - Знаете сказку, как черт засунул в мешок жемайтиса, аукштайтиса и дзукаса? Принес их на берег озера, хочет топить. Говорит: выходите по одному. Аукштайтис вышел, дзукаса вышел, а жемайтис - нет. Почему не выходишь, интересуется черт. Молчание. Черт снова спрашивает. Жемайтис долго молчит, потом, наконец, отвечает: кто меня сюда засунул, тот пусть и вытаскивает.

Моя жена всегда говорит: он молчит, молчит, а делает все равно по-своему. Акцента жемайтского у меня, конечно, давно нет, но по характеру - типичный жемайтис. В детях моих этого уже не найдешь.

Никто не хотел умирать

Он родился в многодетной крестьянской семье в тот год, когда маленькая Литва, захваченная двумя тираниями - гитлеровской и сталинской - стала называться советской. В следующем, 1941-м, в Сибирь был отправлен первый эшелон с классово чуждыми и нежелательными новому режиму элементами - началось выполнение сталинского плана депортации литовцев. Через неделю Гитлер напал на Советский Союз. Горько вывести на бумаге, но это факт: от истощения маленький народ спасла война.

В 1944-м, когда фашисты откатились с литовской территории, репрессии возобновились. Телячи вагоны, набитые семьями с маленькими детьми, покатили на восток; многим не суждено было доехать до берегов Ангары. Мне не раз приходилось беседовать с людьми, не по своей охоте пожившими в Сибири; большинство из них добрым словом поминали иркутских крестьян, не давших погибнуть без угла и куса хлеба. Иезуитский режим убивал - люди спасали.

В Литве все происходило так же, как чуть раньше в России: списки составляли лодыри, которым хорошие хозяева мозолили глаза. В семье Будрайтисов бездельников не водилось:

Они попали в черный список, но нашелся человек, который предупредил: либо этой ночью, либо следующей. Отец решил, что пора на время исчезнуть. Юозас помнит, как они скитались по каким-то садам и огородам, зимой перебивались по родственникам. Родной брат отца перед наступлением советской армии успел убежать на Запад, а отец Юозаса со всем семейством вернулся от границы: будь что будет, но умирать надо на родине, решил упрямый жемайтиец.

В Литве не вдруг найдешь семью, которую так или иначе не задело Красным колесом. Ответом на террор стало сопротивление или, как говорят здесь, резистенция. Не желавшие подчиниться советскому режиму сформировали повстанческие отряды - их называли лесными братьями. Эти трагические события истории литовского народа отражены в прогрессивном на весь мир 30 лет назад фильме Витаутаса Жалакявичуса «Никто не хотел умирать». Премьера в Москве прошла триумфально: режиссера и актеров потрясенные зрители вынесли из зала на руках.

- Юозас, как удалось в советское время, когда вымарывалось все, что могло пролить свет на реальные факты, снять такой правдивый фильм?

- Определенный камуфляж там все-таки есть - без него невозможно было обойтись. Камуфляж не был: все было построено в картинах так умно и хитро, что воспринималось как череда бесконечных приключений. Получился своего рода вестерн, боевик; игрушка, которую никто еще советскому обществу не давал: стреляют-стреляют, а кто кого - попробуй разберись. Большинство зрителей легко

ромной страны и не знало, кто такие лесные братья, обыкновенный человек не вникал в историю и философию - для него фильм был приключенческим, и не более того. Режиссеру удалось очень тонкие моменты, ну, например, когда убивают вождя лесных братьев, он прижимает руку к сердцу со словами: «Ты не знаешь, как больно!» (Будрайтис закладывает руку за левый борт пиджака, в глазах тоска). Рядовой зритель воспринимает это чисто физиологически, подтекст был ясен только интеллектуалу: почему такая боль? не потому ли, что он боролся, а его убили не ко времени, и он должен умереть, оставив Литву несвободной? Причем, эпизод сделан очень благородно, без тени злораства: так тебе, бандиту, и надо! Он умирает красиво - красивый человек в красивой форме. Мой герой, младший из семьи Локисов, убивает пришельца из леса не по политическим соображениям, а лишь потому, что тот убил его брата. Ведь когда в ту пору стучали в дверь, никто не знал, что будет - погладят тебя по голове или ударят по ней, деревенские жители испытали это на себе очень остро.

Активное сопротивление продолжалось до 1952 года. Фанатики сидели по лесам до последнего, это были поразительные люди - они находили силы сопротивляться официальной советской власти, не получая никакого подкрепления. Постепенно движение лесных братьев выдохлось, потому что люди в массе своей не могут поступать так, как герой одного красивого предания, который, защищая замок, пошел в костер, но и врагов успел сжечь. Это эпос, он может являться героическим ориентиром, однако в реальности иначе - ты должен выжить, в первую очередь покормить детей, защитить их от холода. Абсолютно большинство в таких ситуациях думает: ну зачем я пойду на смерть, когда еще можно жить? Люди в Литве мало-помалу приспособились к новым условиям, жили, творили, накопили кое-что в культурном слое.

Ухмылки славы

- Вы сказали, что в России вас помнят лучше, чем в Литве...

- В Литве это как-то само собой: идет Будрайтис. Ну, идет. Вон там стоит тумба - она стоит сто лет, ее никто не замечает. В России замечают. Наверное, потому, что редко встретишь знакомое лицо в такой массе народа. Недавно я показывал в передаче «Смак», как готовить национальное литовское блюдо - цепелины. С тех пор иногда останавливают на улице и просят повторить рецепт.

Хотя я всегда делал работу, которая и должна быть узнаваема, мне эта узнаваемость не нравилась и очень мешала, потому что не позволяла жить так, как хочется. Я свободный человек, мне хочется, допустим, сесть на тротуар, мне нравится старое шуметь, что-нибудь обношенное, так мне комфортно, но тут же слышишь осуждение. А какое ваше дело? Мне так нравится.

Вираз судьбы

был для него неожиданным. Стать официальным посольским работником, если никогда нигде не служил, сроду не был начальником?

- Я всегда был свободным человеком; кошка, которая гуляет сама по себе (или кто?). Но в данном случае у меня есть оправдательные аргументы: в России меня знают, и это очень важно; здесь живет много моих друзей и знакомых. И, наконец, надо показать России образцы литовского искусства, чтобы Россия видела, что Литва развивается, что по-прежнему культура ее высока. Решив, что этот мостик между нашими странами мне удастся легче перекинуть, чем кому-либо другому. Все равно я не снимаюсь теперь, значит, я не у дел, так давайте я другое дело буду делать и для общества, и для себя.

Это трудоемкая и долгосрочная работа, которая идет медленными шагами, тем более что у нас пока нет межправительственного договора в области культуры, но постепенно, по маленькому шажочку все наладится. Что формирует культурные связи? Только люди, и на мою радость я нашел связующее звено, которое мне интересно, - это Юргис Балтрушайтис, который был послом довоенной Литвы в России: дипломат, поэт-символист, представитель Серебряного века. Его связи с российскими деятелями культуры были очень тесными. Можно восстановить тот же ряд: например, Балтрушайтис и Скрябин, Балтрушайтис и Блок, Балтрушайтис и Брюсов. Очень любил Литву Михаил Чехов, другие актеры. Видите, воссоздается целый век тесных культурных связей, обменов.

Свой первый отпуск дипломатического работника Будрайтис посвятил игре в спектакле «Три сестры», блистательно поставленном Эймунтуосом Некрошюсом. Весь июнь труппа колесила по Европе и даже показала Чехова в Колумбии. Успех у зрителя был ошеломляющим. Иногда советник по культуре берет в посольстве тайм-аут, чтобы сыграть спектакль в родной Литве. Такая жизнь ему нравится.

Елена СУББОТИНА.
Фото Валерия СКОКОВА.